

На праздниках казаки-студенты устраивали вечер. Был спектакль. Новый Год все студенты справляли вместе. Были представители от болгар.

...С материальной стороны дело обстоит плохо. Много казаков служило на государственной службе — с первого января увольят многих, последних оставшихся на работе. Люди останутся без заработка.

А тут еще своя болгарская „криза“ — лопнули многие частные предприятия и спрос на рабочие руки сократился.

C.

Неугомонный „претендент“.

(Из Белграда).

В Югославии распространяется „прокламация“ — обращение к кубанцам, подписанное группой лиц из 6-ти человек, во главе с ген. А. Филимоновым.

В прокламация этой группа подписавших призывает „всех кубанских казаков Югославии“ к какому то стовору.

Цена Филимоновского слова и стовора всем кубанцам хорошо известна. Ген. А. П. Филимонов, очевидно никак не может свыкнуться с мыслью, что ему никогда больше не видать атаманской булавы.

Нужно потерять всякое чувство меры, чтобы после того позорного конца, каким он завершил свое „атаманствование“ на Кубани в ноябре 1919 г., иметь смелость вообще показываться на „людях“.

Ген. Филимонов подписался под „обращением“, как „Почетный Председатель Кубанской Рады“. Какой Рады? — Мы смеем верить, что никогда ни Краевая, ни Законодательная Рада такого „института почетных председателей“ не знала, никогда и никого в почетные свои председатели не выбирала, а тем более г. ген. Филимонова.

Сеятели погромной мысли.

(Письмо в редакцию).

26 ноября прошлого года, после долгой оттяжки, наконец, состоялись выборы уполномоченных Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза по Пражскому району. На этих выборах боролись три группировки:

1. „Донская Тройка“ (В. А. Харламов, В. И. Сидорин, В. Т. Васильев).

2. Общеказачий Блок Союз „Единство Казачества“; Республиканско-демократическое казачье студенческое Объединение; группа казаков из „Крестьянской России“ и казаки-земледельцы.

3. Терско-кубанские казаки, группирующиеся вокруг Союза Возрождения Казачества.

Активно боролись только две первые группировки, т. к. последняя, по различным причинам заняла позицию „ни-ни“ и, не принимая участия в предвыборной борьбе, на самых выборах выступила с самостоятельным терско-кубанским кандидатским списком.

Резкое расхождение первых двух групп началось давно.

„Донская Тройка“, в 1925 году избранная в Правление Союза, свое временное положение использовала для того, чтобы печатный орган Союза журнал „Кавказский Путь“ перешел в полное и безраздельное, никем не контролируемое ее владение. Оппозиция же (Общеказачий Блок) все время протестовала против такого безцеремонного действия „Тройки“, считая необходимым вернуть журнал обратно Союзу и сделать его печатной трибуной всех членов Союза, а не избранной группы. Вот основной источник спора.

В конце концов „Тройка“ решила (она составляла Правление Союза и могла делать что хотела), совсем не производя выборы новых уполномоченных, а созвать в ноябре 1926 г. Собрание Уполномоченных старого состава, давно утратившего свою законную силу, в полной уверенности, что в нем большинство будет на ее стороне. Но человек предполагает, а Бог располагает. Действие „Тройки“ было настолько невозмож-

но, что люди искренне относившиеся благожелательно к членам „Тройки“, отвернулись от них и на этом „Тройкой“ незаконно созванном, Собрании большинство уполномоченных перешло в оппозицию и Собрание вынесло резкое осуждение всей деятельности „Тройки“ и категорическое решение, что журнал „К. П.“ есть орган Союза.

Тогда председатель правления, он же член „Тройки“, Сидорин, озлобленный „дерзостью“ собрания придирается к якобы спорной юридической формальности вынесенных решений и угрозой приглашения полиции разгоняет им же созванное собрание. После этого „Тройка“ со спокойной совестью продолжает „царствовать“ над Союзом, выборы новых уполномоченных не производит, а... ожидает, пока, не находящие поддержки в Правлении Союза, оппозиционные к „Тройке“ уполномоченные в поисках куска хлеба разведутся в другие страны.

Раньше бесплатно рассылавшийся всем членам Союза журнал „Кавказский Путь“, теперь становится платным. Новые хозяева журнала, переименовав его в „Путь Казачества“, назначают обязательную подписную плату.

Произошли, наконец, нужные „Тройке“ перемены в составе старых уполномоченных Союза. Теперь большинство уполномоченных было из „своих“ людей, готовых дать, по разным мотивам, какое угодно „одобрение“ „Тройке“ и она, столь тщательно подготавливая свою победу, созывает в апреле месяце 1927 г. вполне „законное“ собрание уполномоченных, чтобы получить так долгожданное узаконение своего беззакония*).

Далее „Тройке“ необходимо было опорочить и свалить Б. Н. Уланова, позволившего себе „дерзость“ возглавить оппозицию. Но т. к. против него ничего делового и серьезного она не могла сказать, то Сидорин пустился в демагогию, упирая на его национальное происхождение, доказывая, что он по своей природе чужд казачьих интересов.

Обрисовав в ярких красках жуткие годы войны, тяжелые страдания эмиграции и, ударя кулаком в грудь, Сидорин патетически кричал: „казак-калмык Б. Н. Уланов спокойно проходит мимо всего этого русского несчастья, но какое русское сердце не может не обливаться кровью...“ и т. д. Другими словами — казак-калмык если и не радуется русскому несчастью, то во всяком случае равнодушен к нему.

И это говорится после того, когда эти самые казаки-калмыки одними из первых подняли отчаянную борьбу против общего несчастья — большевизма; после того, когда о составе Донского Казачества, под командой того же самого Сидорина, активно борясь против этого несчастья, „лукавья“ и „коварствую**), калмыки потеряли половину своего населения.

И это после того, как эти казаки-калмыки из „лукавых“ и „коварных“ побуждений жертвовали многими молодыми калмыцкими жизнями, под проливным дождем пулеметных пуль, из под носа наступавшего врага, на своих плечах вытаскивали того же самого б. Командарма Сидорина, с своим аэропланом загрузшего в засасывающую грязь на Кубани!

Какая „болезнь“ притупила его память, что он обо всем этом забыл? Или то были только „калмычки“, способные отдавать жизни, не требуя ничего взамен, а теперь „казак-калмык“ превратился в нечто по своей природе чуждое казачьих интересов?

В такой чисто „деловой“ обстановке протекла работа „законного“ собрания уполномоченных в апреле месяце прошлого года, избравшее временное 3-х членное Правление.

*) Насколько был „законным“ этот состав уполномоченных, можно судить по следующему: из первоначально избранного общего числа 45 уполномоченных, протестуя против действия „Тройки“, одновременно сложили свое полномочие около 30 человек.

**) В другом месте — Сидорин, касаясь калмыков говорит, что он „чужд восточной психологии“ т. е. коварства и лукавства, якобы присущих калмыкам.

Такова была сущность спора и так происходила борьба. Одни, злоупотребляя своим положением, доверием соответствующих кругов, отняли у единственной в Чехословакии большой казачьей общественной организации ее печатный орган, дискредитировали самую организацию, а другие протестовали против такого произвола.

„Тройка“ почему-то решила, что две тысячи казаков, состоящих в Союзе, не способны выделить из своей среды людей, могущих справиться с изданием небольшого журнала и „не доверила“ в их демократизм, а оппозиция доказывала противное.

Ясно, что „Тройке“ по существу против оппозиции говорить было нечего. Вот почему она стала на путь исключительной демагогии и на последних ноябрьских выборах.

На этих выборах „имена“ и „авторитеты“ распределились неравномерно. С одной стороны „селянки“ Донского Казачества, как называют самих себя Харламов, Сидорин, Васильев, а с другой стороны — оппозиция, возглавляемая казак-калмыком Б. Н. Улановым.

На одной стороне, как говорят, люди, прошедшие огонь, и воду, и медные трубы, люди располагающие значительными материальными ресурсами, в средствах борьбы не разбирающиеся, а на другой — „мелкие сошки“, „враг“ русских и т. д., не располагающие никакими материальными средствами. Словом, борьба была неравная. И „Тройка“, со свойственным ей в таких делах искусством, использовала это обстоятельство, не останавливаясь даже перед вызовом вражды на национально-религиозной почве.

И ее демагогия осталась не бесплодной. Избранное собрание, из двух названных и избывших свое официальное кандидатство, в председатели собрания избрало Б. Н. Уланова, провалив кандидатуру Харламова, чем определенно резко высказало свое отрицательное отношение к деятельности „Тройки“.

Яркой иллюстрацией, в какой плоскости велась предвыборная агитация против оппозиции, служит „секретное письмо“, широко распространенное перед выборами среди членов Союза. Автор этого „произведения“ старательно подделывался под „народный“ язык и скрывал под псевдонимом „Группа казак-пролетариев“, обнародовав эту тройную подлость — бросил в массу свою мысль, а как подлый трус, скривился под псевдонимом, а свою грязную мысль приписал другим.

Но, если принять во внимание, что больше всех был заинтересован в поражении оппозиции, я, если вспомнить слова, выходящие бросаемые в массу членами „Тройки“, то вышед из себя сам собой. Для злобности привелся выдергав из этого „письма“ и риторика слова члена „Тройки“.

В „письме“ говорится — „боясь, что он только зря“ послужил для „узнать злон о социальном страданиях“ и пережить на теплые места в разные заморские страны. Вот разве только в культурной ра-

боте он может нам посодействовать, еще тысячекон на десять заличный расчет книжного твора продав Союзу“.

В прошлом году, когда на разогнанном Сидориним собрании, выдвигалась в председатели правления кандидатура донского казака горного инженера А. Н. Зрянина, В. Т. Васильев усиленно внушал эту мысль „письма“ уполномоченным, говори: что же, он будет „прекрасным“ председателем — будет получать жалованье в, сверх того, все книги своего магазина продаст Союзу.

Дальше, намекая на Уланова, автор „письма“ пишет: „на счет него у нас имеются сведения, что он не только земледельческого или рабочего чистого казачьего происхождения, а даже будто ведет свой род от знаменитого китайского (?) Чинхисхана - Мамай (?), который на нашей донской реке Калке русским князьям-самодельниками побил и, сидя на них, конину жрал“.

Чего тут больше: глупости или подлости? Невольно напрашивается вопрос — не является ли это место „письма“ грубым, откровенным изложением мысли, высказанной Сидориним в более дипломатической форме на собрании уполномоченных в апреле прошлого года.

... есть у нас верный слух, что нашу казачью линию он гнет только для видимости, а в тайности ведет свою акцию и к ней ни одного православного казака не подпускает. Говорит: „это не для вас, а только для тех, кто в Будду верует“. Мы ему все, а он нам ничего“.

Первая часть этого места „письма“ всецело совпадает также и со словами В. А. Харламова, сказанными перед выборами на собрании своих сторонников (17-го ноября в помещении Союза), где он говорил, что Уланову не интересы Союза дороги, а ему нужно стать во главе Союза, овладеть журналом и делать свою калмыцкую акцию.

Дрогнули совесть и у бывшего политического вождя Дона!

Относительно вставленных в уста Уланова слов, — приходится развести руками — как могут люди так нагло лгать! Автору „письма“ прекрасно известно, что, при всем желании, куда Уланову „подпускать или не подпускать православного казака“. Честь открытия деления на „мы“ и „они“ всецело принадлежит автору „письма“, ибо до сего времени казак-калмыки считали и считают себя членами единой казачьей семьи, вместе с нею неравнодушно деля и радости и несчастья.

Кому и для чего понадобилась эта тщетная попытка возбудить национально-религиозный антагонизм в среде до сих пор единой и дружной казачьей семьи?

Неужели казак-буддисты двести лет делили с казаками-христианами боевую жизнь для того только, чтобы в XX веке лидеры „демократического“ казачества (по крайней мере так они сами себя именуют) истерически взывали: „бей калмыков, спаси Казачество?“

Шамба Валинов

бывший (сложивший свое полномочие) уполномоченный и Секретарь Ревизионной Комиссии Общеказачьего С.-Х. Союза.

В Р.С.Ф.С.Р.

Ссылка оппозиции.

В Москве распубликовано „официальное“ сообщение о выссылке оппозиции:

Правительственными органами СССР установлено, что целый ряд лиц, примыкающих к оппозиционным группам, возглавляемым Троцким и Сапроновым, исключенных из партии XV-м съездом В.К.П., вслед за закрытием съезда и развалом, наступившим в оппозиционном блоке, стали развивать противосоветскую нелегальную деятельность, проявившуюся в попытке

создать тайную организацию, подготовить ряд антисоветских актов и установить тесный контакт с находящимися в Москве представителями иностранной буржуазии, при посредстве которых троцкисты отправляли свои личные сообщения и поддерживали сношения с своими заграничными единомышленниками.

После того, как нелегальная и преступная антисоветская деятельность троцкистов была выявлена, было признано необходимым прибегнуть, в целях защиты интересов пролетарского государства, к минимальной мере — выссылке из Москвы 30 активных участников

*) Курсив автора „письма“, провозглашающего над фамилией Зрянина, происходит ее от слова „зря“. Член оппозиции А. Н. Зрянин имеет небольшую книжную торговлю.